

PRIVATE AND PUBLIC IN THE DIGITAL SPACE: BLURRING OF THE LINES

Elena O. Trufanova

RAS Institute of Philosophy | Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Moscow, Russia.
Email: [eltrufanova\[at\]gmail.com](mailto:eltrufanova@gmail.com)

Abstract

The article analyses the changes of human private life that happen due to the influence of the contemporary digital communication technologies. The research object is a present digital communications system in its interaction with the “offline-world”, with the focus on the relationship between private and public spheres of human life within this system. It is shown that the detachment of the private sphere and the accentuation of privacy arise gradually throughout the human history. The need to lawfully protect privacy was understood only by the end of the 19th century. It is demonstrated that due to the information technologies progress the existing measures of privacy protection become no longer adequate. Current development of the digital technologies provides the strong connections between the offline- and online-life of a person, and person’s Internet manifestations play equally important role as one’s actions in the material world. Personal identity extends due to the digital or network identification. In this situation the problem of privacy is seen in the new light; it is not only about protection from unauthorized access to the private data, but also about the evaluation of the person’s profiles and webpages as private. While a person considers one’s pages in social networks as private space, other users consider it to be public space; this difference in evaluation becomes the source of conflicts. Estimating wrongly the limits of the private space in the Net, many people make statements or actions that become noticeable online-events due to the confusion of public and private spheres; this can influence offline-life. It is shown that in the current Internet any utterance can become the centre of many people’s attention and the author of the utterance can be made responsible for one’s words before the whole wide world. The disability of dealing with such total responsibility can result in denying any responsibility at all. This can be the cause not only for personal, but for the global social crises.

Keywords

privacy; publicity; private life; private space; personal identity; digitalization; information; mass communication

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

ПРИВАТНОЕ И ПУБЛИЧНОЕ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ: РАЗМЫВАНИЕ ГРАНИЦ

Труфанова Елена Олеговна

Институт философии РАН | Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого. Москва, Россия. Email: [eltrufanova\[at\]gmail.com](mailto:eltrufanova[at]gmail.com)

Аннотация

В статье анализируются изменения, происходящие с частной жизнью человека под воздействием современных цифровых коммуникационных технологий. Объектом исследования выступает проблема соотношения приватной и публичной сфер человеческой жизни в рамках современной системы цифровых коммуникаций в ее взаимодействии с офлайн-миром. Показывается, что выделение сферы приватного и нормы соблюдения границ этой сферы возникают в ходе истории человечества постепенно; осознание необходимости охраны приватного и юридическое закрепление права на неприкосновенность частной жизни формируются лишь к концу XIX в. Демонстрируется, что в связи с прогрессом в сфере информационных технологий сформированных ранее систем защиты приватного оказывается недостаточно. На современном этапе развития цифровых технологий происходит тесное переплетение офлайн- и онлайн-жизни человека, в котором его манифестации в Интернете начинают играть не меньшую роль, чем его действия в материальном мире. Происходит расширение личностной идентичности человека, ее дополнение цифровыми или сетевыми идентификациями. В этой ситуации по-новому встает проблема приватности – не только с точки зрения защиты информации о пользователе от несанкционированного доступа извне, но с точки зрения рассмотрения личных страниц пользователя, его профилей в социальных сетях, в качестве приватных. В то время как человек считает свою страницу в соцсети своим приватным пространством, внешние пользователи оценивают ее как пространство публичного: следствием этого оказываются разного рода конфликты. Неправильно оценивая границы приватного пространства в Сети, многие люди позволяют себе поступки и высказывания, которые из-за смешения сфер публичного и приватного становятся заметными онлайн-событиями, способными повлиять на офлайн-жизнь. Показывается, что в современной Сети любое высказывание может оказаться в фокусе внимания множества людей, и автор высказывания попадет в ситуацию ответственности за свои слова перед всем миром. Неспособность справиться с подобной тотальной ответственностью может вести к отказу от ответственности как таковой, что чревато не только личностными, но и глобальными социальными кризисами.

Ключевые слова

приватность; публичность; частная жизнь; личностная идентичность; цифровизация; информация; личное пространство; массовые коммуникации

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Современное общество и человек находятся в состоянии трансформации, вызываемой информационным перенасыщением – избыточностью доступной каждому индивиду информации, упрощению телекоммуникаций, проникновению цифровых телекоммуникационных технологий в повседневную жизнь практически каждого человека (Труфанова, 2019). Сейчас индивид живет не в одном, а в двух мирах – мире реальном, мире-«офлайн», и мире виртуальном, мире-«онлайн». Если тридцать лет назад, в эпоху становления первых Интернет-технологий, виртуальный мир воспринимался как место для развлечений, для игры, для временного ухода от повседневности, психологического «бегства» от бытовых невзгод (часто определяемого как эскапизм), то сейчас использование Интернета является неизбежным: отказаться полностью от использования электронной почты, соцсетей, мессенджеров – это означает уйти из общества, стать своего рода «затворником». Онлайн-жизнь человека является сейчас неотъемлемой частью его офлайн-жизни (в период пандемии это ощущается особенно остро), однако и отдельные люди, и общество в целом еще не успели перестроиться на эту новую ситуацию взаимоотношения офлайн- и онлайн-миров, что провоцирует возникновение различных конфликтов. Проблема адаптации общества и человека к ситуации информационного перенасыщения многогранна, но в рамках данного исследования я бы хотела сосредоточиться на одном из ее аспектов – изменении отношений между частным и публичным, поскольку в условиях активного использования новых цифровых технологий граница между этими сферами жизни размывается, и право на частную жизнь, сформировавшееся окончательно в позднее Новое время, сейчас оказывается под серьезной угрозой. Таким образом, в качестве объекта моего исследования будет выступать в первую очередь проблема соотношения частной и публичной сфер человеческой жизни в рамках современной системы цифровых коммуникаций в ее взаимодействии с офлайн-миром.

ИСТОРИЯ ПРИВАТНОСТИ

Оппозиция частного и публичного широко используется как в общественных науках, так и в повседневном дискурсе, и сейчас представляется самоочевидной и не требующей определений. В самых общих чертах сфера публичного – это та часть жизни, в которой индивид взаимодействует с другими людьми, а сфера частного – та часть

жизни индивида, которая защищена от посторонних глаз, вторжение общества в которую минимально. Чаще всего термины «публичное» и «приватное» звучат в юридической речи, но в рамках данной статьи они будут пониматься более широко. Приватность подразумевает не только право на защиту персональных данных о человеке от посторонних, но и право на личное пространство и его защиту, и даже право на самоопределение. Приватность – это право быть таким, каким ты хочешь быть сам, не подстраиваясь под мнение других.

Таким образом понимаемая приватность сейчас как правило рассматривается как одна из важнейших ценностей, а право на неприкосновенность частной жизни охраняется законом. Однако в истории человечества приватность, интимность долгое время не рассматривались ни как ценность, ни как потребность человека. Для собственного выживания человек должен был находиться среди других людей: это касается не только древнейших эпох развития человечества, но и античности – не случайно Аристотель определяет человека как

«существо общественное в большей степени, нежели пчелы и всякого рода стадные животные...» (Аристотель, 1983, с. 379).

И в Средние века человек сохраняет тесную связь со своей общиной, вся его жизнь проходит у нее на виду. Как полагает И. С. Кон, анализирующий становление индивидуальности, эта ситуация меняется с ростом городов, способствовавшим распаду общинной жизни – в городе человек становится все более оторван от других людей, и его община теперь ограничивается его узким семейным кругом. Кон пишет, что

«в средние века человек часто использовал свой дом как крепость, чтобы спастись от врагов, но он не стремился спрятать за его стенами свою повседневную жизнь. Все ее драмы и комедии происходили открыто, на глазах у всех, улица была продолжением жилища, и важнейшие жизненные события... совершались при участии всей общины. Двери дома в мирное время не запирались... В новое время семья начинает ограждать свой быт от непрошеного вторжения, обзаводиться замками, дверными молотками и колокольчиками, позже о визитах начинают договариваться заранее, еще позже – созваниваться по телефону» (Кон, 1978, с. 186–187).

Происходит и разделение пространства внутри дома – если раньше одно большое помещение совмещало функции и спальни, и столовой, и ванной комнаты, то с эпохи Возрождения жилье более-менее обеспеченных людей разделяется на отдельные комнаты, возникает потребность в уединении, в интимности. Анализ истории языка показывает, что в XVII-XIX вв. происходит стремительное обогащение пси-

хологического словаря терминами, связанными с понятиями персонификации, индивидуализации и т.п., так, к примеру, слово интимность (*intimité*) появляется во французском языке впервые лишь в XVII в. Как отмечает Кон, люди в этот период начинают придавать больше значения своим внутренним переживаниям и их нюансам,

«при этом в круг сокровенного, внутреннего постепенно попадают не только душевные переживания, но и многие физические, телесные отправления, которые раньше вовсе не считались интимными» (Кон, 1978, с. 208–209),

т.е. на сексуальные проявления, на наготу (даже наедине с собой), на телесные отправления накладывается табу – телесное становится интимным. С XIX в. начинается процесс становления массового общества, в котором в жизни человека две сферы четко разграничиваются – сфера общественная, публичная, связанная с работой, с взаимодействием с государственными структурами и т.д., и сфера частной жизни, приватная. Еще позже, уже в XX в. Ж.-П. Сартр сформулирует идею о раздвоении *Я* на «я-для-себя» и «я-для-другого» (Сартр, 2015). Так, процесс усиления индивидуализации человека является одновременно процессом становления ценности приватности: именно в рамках частной жизни человек чувствует себя подлинно свободным, не стесненным рамками общественных условностей, именно в частной жизни он является *самим собой*. Уже к концу XIX в. становится понятно, что частная жизнь требует защиты, и формулируется идея права на неприкосновенность частной жизни. Впервые это понятие было концептуализировано в 1890 г. в США юристами С.Д. Уорреном и Л.Д. Брендайсом (Warren & Brandeis, 1980). Сейчас право на частную жизнь состоит, прежде всего, в праве на защиту персональных данных, на неприкосновенность жилища, на тайну связи (переписки, телефонных переговоров и т.д.), врачебной тайне (и других видах профессиональной тайны), а также в праве на защиту чести и доброго имени и запрете на сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия. Эти права закреплены в разных законодательных документах разных стран, в том числе в Конституции и Гражданском кодексе Российской Федерации.

Помимо юридического аспекта приватности, важен также психологический аспект. Антрополог Э. Холл, занимаясь анализом коммуникаций между людьми, вводит понятие проксемики, которую он рассматривает как дисциплину, анализирующую роль пространства в процессе коммуникации – того, как расстояние между коммуникаторами характеризует тот или иной коммуникативный акт, как измене-

ние расстояния может воздействовать на коммуникацию и т.д. Он полагает, что каждый человек определенным образом обозначает территорию вокруг себя, которую он считает своей личной и вторжение в которую воспринимает как нарушение приватности. Холл выделяет четыре основных пространственных зоны: персональное пространство, индивидуальная дистанция, территориальность и персонализация среды. Персональное пространство представляет собой некий воздушный «кокон», который окружает непосредственно тело человека, его человек воспринимает как часть своего Я. Индивидуальная дистанция – это расстояние между человеком и другими людьми, которое он для себя субъективно определяет как комфортное. Комфортность индивидуальной дистанции зависит и от того, к какой категории человек относит других людей (близкие люди, знакомые люди, посторонние и т.д.). Территориальность относится к привычке человека занимать одни и те же места в пространстве – садиться на одно и то же место за обеденным столом, за одну и ту же парту на лекциях в университете и т.д. Наконец, персонализация предполагает определенную «организацию» части общего пространства «под себя» – например, «занять» стол в кафе брошенной на стул курткой, или – в более широком смысле – обустройство своего рабочего места, своей комнаты, своей квартиры в соответствии со своими желаниями, вкусами и потребностями (Hall, 1966). Любые несанкционированные вторжения в личное пространство в любой из зон человек воспринимает как агрессию, и, как следствие, как стрессовую ситуацию. Как определяются границы каждой из этих зон, зависит как от культурных традиций, так и от индивидуальных психологических особенностей человека.

Израильский правовед Р. Габизон в своем детальном анализе различных аспектов проблемы приватности отмечает, что приватность так или иначе связана с ограничением доступа других людей к индивиду, и выделяет три типа таких ограничений: 1) ограничение знаний других об индивиде; 2) ограничение физического доступа к индивиду; 3) ограничение внимания других к индивиду (Gavison, 1980). Хотя состояние «идеальной приватности», где все эти ограничения были бы доведены до абсолюта, маловероятно и более того – нежелательно, тем не менее нарушение этих ограничений может представлять серьезную проблему для индивида, потому что приватность должна находиться под защитой.

Статья Габизон вышла в 1980 г., но уже тогда она отмечает, что существующих мер для защиты приватности становится недостаточно, и это связано с технологическими изменениями:

«Успехи технологий наблюдения, записи, хранения и поиска информации делают практически невозможным или крайне затратным для индивидов защиту того уровня приватности, который они имели раньше. “Переход границ” прессой, на который ссылаются Уоррен и Брендайс, придает существовавшим ранее путем публикаций и слухов вторжениям в частную жизнь новое измерение, благодаря скорости и размаху современных СМИ» (Gavison, p. 465).

Не нужно пояснять, что за прошедшие с тех пор десятилетия эти тенденции приобрели такой масштаб, который Габизон не могла себе даже представить, и защита приватности в цифровую эпоху стала еще более сложной задачей, чем когда-либо; в частности – к существующим проблемам приватности добавляется проблема конфиденциальности данных в цифровых взаимодействиях, которая носит не только политико-правовой, но и технический характер. В современной ситуации обсуждения приватности и конфиденциальности чаще являются объектом политических спекуляций или публичных дискуссий, нежели содержательного научного анализа, при этом обсуждения сосредоточены преимущественно на проблеме защиты индивида и его персональных данных от контроля государства. Но, на мой взгляд, не менее, а возможно, и более актуальными являются психологические аспекты взаимодействия индивидов друг с другом под влиянием трансформаций границ приватного и публичного, привносимых цифровизацией.

ЛИЧНОСТНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЦИФРОВИЗАЦИЯ

Одной из ключевых привлекательных черт пребывания личности в виртуальном пространстве Интернета исторически была анонимность. Анонимность предполагает полную защиту приватного, поскольку подлинная личность и ее частная жизнь остаются за пределами проницаемости взгляда Другого. Анонимность, использование вымышленных ролевых образов, личин, были характерны для раннего периода развития Интернета, однако с тех пор как Интернет становится посредником в большом количестве социально-значимых активностей – торговле, осуществлении бюрократических процедур, ведении переговоров – степень анонимизации пользователей снижается, на смену маскам все чаще приходят реальные люди. Более того, если к ситуации анонимности ранее относились как к норме, принимая ее как «правила игры» Интернет-коммуникаций, то в современных условиях анонимы и «маскирующиеся» пользователи, как правило, не одобряются Интернет-сообществом, они вызывают подозрение как потенциальные источники информационных «вбросов» и «фейков», анонимность приравнивается к стремлению уйти от ответственности. Сохра-

нять анонимность в современном Интернете становится практически невозможным – пользователь связан с целым набором различных цифровых идентификаторов – IP-адресов, цифровых подписей, логинов и паролей множества различных аккаунтов, и т.д. Эти технологии соединяют различные проявления личности в Интернете воедино и делают отдельно взятого человека более доступным для идентификации личности и для внешнего контроля. Современные технологии позволяют также осуществлять контроль местоположения того или иного человека – к примеру, при контроле за перемещением людей в городе, внедренном в связи с эпидемией коронавируса, использовалась технология отслеживания передвижения людей по перемещению их персональных мобильных телефонов. Это убедительно доказывает, насколько в современной жизни человек и цифровые коммуникативные технологии сливаются воедино (Савчук, 2017): перемещение личного смартфона приравнивается к перемещению человека, поскольку они воспринимаются как неразрывное целое.

В связи с тем кругом новых проблем, которые возникают в процессе использования Интернета и иных современных цифровых средств, возникает вопрос о том, как в этой ситуации трансформируется личностная идентичность. Так, вводится представление об особом роде идентичности, которую разные авторы называют цифровой, виртуальной, сетевой, онлайн-идентичностью и т.п., при этом подобные идентичности противопоставляются идентичности «реальной» (Труфанова, 2012; Войскунский, Евдокименко & Федунина, 2013). Как утверждают известный отечественный исследователь Интернет-психологии А. Е. Войскунский и его коллеги,

«среди наиболее наглядных характеристик сетевой идентичности – легкость видоизменения вплоть до полной замены на нечто в каком-то смысле противоположное, а также сравнительно нечасто встречающиеся в обыденной жизни феномены не просто множественной, а в полном смысле этого слова альтернативной идентичности» (Войскунский, Евдокименко & Федунина, 2013, с. 101).

Описанная данными авторами ситуация еще была актуальна на период проведения их исследования (2013 год), но за прошедшие с тех пор семь лет она существенно изменилась. В то время как желание и потребность в формировании альтернативных идентичностей сохраняется, Интернет оставляет для этого все меньше возможностей. В связи с этим неизбежно меняется структура личностной идентичности – если ранее виртуальные Я-образы, которые человек «примерял» на

себя в Сети, оставались лишь небольшой эскапистской составляющей его жизни, то современная

«сетевая идентичность является отражением множественности самоидентификаций современного человека и усиливает такую множественность в контексте виртуальной коммуникации» (Фадеева, 2017, с. 535).

Для современного человека его онлайн-жизнь становится продолжением, расширением его обычной жизни, аналогично описываемому в концепции «расширенного разума» Д. Чалмерса и Э. Кларка (Clark & Chalmers, 1998): Интернет становится внешним хранилищем части нашей памяти (в том числе и личного характера), а множество знаний мы предпочитаем не держать в голове, а запоминать лишь пути доступа к ним в Сети (Пронькина, 2020). Важнейшую роль играет именно коммуникативный аспект Сети, поскольку там возникают не только дополнительные каналы для поддержания офлайн-коммуникаций, но и целая сеть коммуникативных контактов, которые осуществляются исключительно онлайн, но при этом могут оказывать воздействие на офлайн-мир. Так, сетевая идентичность для современного человека – это не самостоятельный, существующий отдельно Я-образ или образы, это продолжение его идентичности, которое не только расширяет часть его существующих в офлайн-мире идентификаций, но и создает новые идентификации, например с определенными онлайн-сообществами.

Однако здесь важно отметить различие между оценкой человеком самого себя и того, как он репрезентирован в Сети, и оценкой этой репрезентации другими. Индивид понимает, что его сетевой образ – это только часть его жизни, некоторые стороны которой полностью закрыты для онлайн-доступа. Однако постороннему наблюдателю сетевой образ человека представляется законченным, завершенным. Для постороннего пользователя, лично не знакомого с владельцем той или иной страницы, вырванные из общего контекста бытия человека фрагменты составляют специфическую квазибиографию, которая воспринимается как выражающая саму суть того или иного человека, но на самом деле является лишь симулякр полнотенной личностной биографии. Как отмечают А.Е. Войскунский и его коллеги,

«В сетевой идентичности становятся вполне наглядными некоторые аспекты идентичности, которые не всегда акцентируются в традиционных ситуациях. А именно сетевая идентичность очевидным образом не порождается сама собой в процессе взросления и старения, а конструируется с тем, чтобы быть эксплицитно презентованной другим людям» (Войскунский, Евдокименко & Федунина, 2013, с. 100).

Однако ситуация презентации личности в Сети не находится под контролем самого человека – в то время как он может контролировать «контент» о себе, который сам он выставляет на всеобщее обозрение в Сети, данные о нем могут появляться также у его друзей, знакомых, коллег, СМИ – и они уже вне зоны его контроля, они дополняют создаваемый им самим внешний образ, который виден другим людям. Любой пользователь социальных сетей может иногда выступать в качестве «папарацци», фиксируя фрагменты частной жизни других людей и выставляя их на всеобщее обозрение. Из представленных в Сети фрагментов мы «достаиваем» образы других людей, воображаем их жизни, интерпретируем сказанные ими фразы по-своему, и – беззастенчиво беремся судить поступки того или иного человека на основе этих отдельных доступных нам фрагментов и наших собственных домыслов.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И УГРОЗЫ ПРИВАТНОСТИ

Право на приватность неотъемлемо связано с представлениями об автономном субъекте, уходящими корнями в европейскую философию Нового времени, о личности, обладающей свободой воли, способной (и обязанной) нести ответственность за свои поступки. Во многом зона приватности – это как раз та зона, в которой человек может на время сбросить с себя бремя ответственности. Разумеется, не полностью, поскольку он несет ответственность за свои действия не только перед обществом, но и перед своими близкими, но все же – пребывание в пространстве приватного, «за закрытыми дверями» – это период отдыха от социальных условностей, от ограничений, период жизни без «масок», которые человек вынужден надевать в процессе общения с разными группами людей. Зачастую человеку необходимо не просто личное время в кругу своих близких, но абсолютно личное время – в одиночестве, наедине с собой. Право на приватность – это право на время, в которое человек может позволить себе *быть самим собой*.

Как верно отмечает Габизон,

«абсолютная приватность и полная потеря приватности одинаково нежелательны. Индивиды должны находиться в некоем балансе между приватностью и взаимодействием с другими, с тем чтобы поддерживать межличностные отношения, развивать свои способности, творить и расти, и просто выживать» (Gavison, 1980, p.440).

Однако данный баланс устанавливается самим индивидом, тогда как проблемы и дискомфорт он начинает испытывать, когда эти установленные им границы нарушаются извне. Одной из наиболее обсу-

ждаемых тем в этой области является нарушение права на частную жизнь человека государством, как правило, оправдываемое интересами государственной безопасности. Нарушение, к примеру, тайны связи, обсуждалось и в первой половине XIX в. – во времена создания А. Х. Бенкендорфом Третьего отделения царской Канцелярии (в тот период право на тайну связи закреплено не было, а перлюстрацией писем занимался Почтовый департамент); обсуждается оно и сейчас – из примеров последних лет можно привести продолжавшуюся достаточно долго борьбу с властями создателя популярного мессенджера “Telegram”, отказывавшегося предоставить службам государственной безопасности ключи для дешифровки сообщений пользователей. Можно вспомнить и об относительно недавних скандалах, связанных с известной соцсетью Facebook, в которых пользователи были возмущены тем, что Facebook использовал их личные данные, а также содержание их аккаунтов в своих целях, в частности – для формирования таргетированной рекламы и для передачи этих данных правительствам различных государств, причем использовались даже данные уже удаленных пользовательских аккаунтов – как оказалось, Facebook оставляет за собой право даже после удаления аккаунта сохранять копии всех пользовательских данных (Aspan, 2008). Огромное количество персональных данных хранится в электронных базах различных сайтов и сервисов; как отмечает М. О. Орлов,

«количество информации, которое можно извлечь, загрузив смартфон человека, так велико, что его уже абсолютно некорректно сравнивать с чтением чужой переписки, которое и в прошлые века было моветоном. В гаджете может храниться не только информация, компрометирующая его владельца, но и номера банковских карт, электронные кошельки, пароли, коды, история перемещений, номера телефонов партнеров и родственников и другие важные данные. Уже сегодня это практически полный отпечаток социального образа человека, его цифровая ДНК. В этом смысле гаджеты, по сути, являются продолжением нас, частью телесности и сознания» (Орлов, 2019, стр.488).

Действительно, в современных условиях зависимость человека от цифровых средств передачи информации становится огромной. Новые информационные технологии меняют не только определенные способы передачи или хранения информации, они изменяют всю социальную среду. На первом плане сейчас лежат обсуждения контроля государства за политической и гражданской активностью, но это только один из аспектов, причем не самый эмоционально значимый для индивида, поскольку он касается публичной сферы, но не сферы частного. Еще во времена Третьего отделения именно вторжение государ-

ства в личную жизнь, а не ограничение политических свобод, задевало больше всего: к примеру, А. С. Пушкин, казалось бы немало пострадавший от царской цензуры, в письме супруге пишет:

«Мысль, что кто-нибудь нас с тобой подслушивает, приводит меня в бешенство... Без политической свободы жить очень можно; без семейственной неприкосновенности... невозможно: каторга не в пример лучше» (Пушкин, 1962, с. 184).

При этом еще более интересным, чем вопрос о пределах допуска властных структур к частным данным, является рассмотрение повседневных социальных коммуникаций, не имеющих отношения к системе «индивид-государство», поскольку именно подобные коммуникации в первую очередь затрагивают индивида на личностном уровне. Взаимодействуя с властью, индивид находится в отношениях иерархического характера, он подчинен власти, тогда как с другими пользователями в Сети его отношения чаще выступают как равноправные. Равноправные отношения, согласно Р. Д. Патнэму, предполагают возможность существования сходных мнений и убеждений, в отличие от иерархических социальных связей, построенных на отношениях принуждения и покорности (Putnam, 2000). Именно поэтому изначальное равноправие пользователей в социальных сетях больше побуждает к общению, обмену информацией, и в целом способствует «вирусной» передаче импульса – будь то какая-то информация, мнение или просто настроение (Труфанова & Яковлева, 2012). Потому для индивида более важной является именно оценка равноправных представителей социума, нежели находящихся на другой ступени иерархической лестницы; на подобную оценку он более эмоционально реагирует; именно среди «своей» социальной группы он прежде всего ищет поддержку и одобрение, а неодобрение воспринимает наиболее болезненно.

ПУБЛИЧНОЕ И ПРИВАТНОЕ: РАЗМЫВАНИЕ ГРАНИЦ

Большинство современных людей постоянно использует современные информационно-телекоммуникационные технологии, в период пандемии их роль заметно возрастает. При этом личные страницы в социальных сетях воспринимаются большинством пользователей (за исключением медиа-профессионалов, блогеров и т.д., для которых контент является производимым ими «на продажу» продуктом) как зона приватного, в которой работают в том числе и представления об основных зонах личного пространства – мы также болезненно реагируем на чье-то несанкционированное вторжение в наше виртуальное пространство (например, непрошенный комментарий на нашей стра-

нице), мы организуем определенным образом свою часть виртуального пространства «под себя» и т.д.

Некоторые современные соцсети предоставляют возможность устанавливать на личных страницах разные режимы доступа, которые, таким образом, позволяют пользователю контролировать, кто именно может читать те или иные сообщения, видеть те или иные фото или видео. Если пользователь рассматривает свою страницу как публичный блог, рассчитанный на посторонних читателей, то он сознательно отказывается от приватности и нацеливается на привлечение внимания как можно большего числа людей. Однако множество пользователей не ставит перед собой такой цели и в то же время не использует механизмы контроля доступа, как следствие – представленная на их страницах информация носит публичный характер. Здесь и совершается главная ошибка: пользователь рассматривает свою личную страницу как свое приватное пространство и наполняет ее фрагментами своей частной жизни. Многие пребывают в иллюзии, что во всем море информации, присутствующей в Интернете, их маленький «островок» будет интересен только небольшой части пользователей, которые и так составляют круг их постоянного общения. Тем не менее, благодаря гипертекстовой природе Интернета, любое подобное частное сообщение, если оно не защищено от посторонних самим пользователем, попадает на глаза огромному количеству людей, каждый из которых может не только отреагировать на него, но и использовать его в своих целях. Делая высказывание на своей личной странице, мы фактически делаем его перед всем миром; обнажаясь, телесно или духовно, в Интернете, мы обнажаемся перед всеми. При этом важно осознавать, что

«в виртуальной среде знание и информация приобретают моральную значимость, слово есть ценность, и оно приобретает статус морального поступка, будучи произнесенным или подписанным...» (Войскунский & Дорохова, 2010, с. 81).

В отличие от произнесенных в офлайн-разговоре слов, которые слышат только непосредственные участники разговора, слова в Интернете остаются надолго. Даже если пользователь сам удалит их, то вполне возможно, копии той или иной фразы или фото в виде снимков экрана будут сохранены, и в дальнейшем они могут быть использованы в качестве «улики» или бесконтрольно передаваться по просторам Сети. А по словам, которые написаны на нашей странице, нас будут оценивать и судить.

Помимо небрежности самих пользователей в регулировании доступа к их персональным страницам, следует также отметить несовер-

шенство самих механизмов защиты пользовательских данных и сведений о деятельности человека в сети. Как справедливо отмечает Н. А. Ястреб,

«сетевые следы, то есть информация о действиях человека в Интернете, также во многих случаях позволяют идентифицировать пользователя, который их оставил. Можно сказать, что юридически конфиденциальность данных подлежит защите, но фактически эти нормы регулярно нарушаются» (Ястреб, 2020).

Таким образом, взаимодействия между людьми в цифровом пространстве требуют иной оценки специфической окружающей среды нового типа, возникающей на стыке онлайн и офлайн-миров (Петрова, 2020). Как показывает современный опыт, многие люди не осознают того, что их онлайн-деятельность является неотъемлемой частью их жизни, и что, к примеру, если выложить в соцсеть фото вечеринки с друзьями (фрагмент частной жизни), то можно потерять работу, поскольку эту веселую фотографию увидят не только приятели, но и ваш начальник, который может счесть, что ваш моральный облик не соответствует требованиям компании. Причина все в том же – большинство людей воспринимает свою личную страницу как свой дом, где они могут позволять себе любые высказывания и любое поведение, не опасаясь, что за этим последует какая-то реакция.

Одна из самых популярных социальных сетей Facebook, как это было показано в ряде аналитических статей, ведет политику на постоянное повышение степени «публичности» пользователя: так, к примеру, установки аккаунта Facebook «по умолчанию» с каждым годом делают открытыми все большую часть данных (McKeon, 2010), одновременно все более ограничивая возможности пользователей контролировать, какой именно информацией они хотят делиться с другими пользователями, а какой – нет (Opsahl, 2010). Как верно отмечает журналист и исследователь современных медиа Дж. Джарвис, проблема здесь возникает с тем, что представления о публичности и желаемой степени этой публичности различаются у владельцев Facebook, привносящих эти изменения, и у множества рядовых пользователей. Человек идет в социальную сеть для того, чтобы общаться с другими – это несомненно. Но прежде всего он идет общаться не с публикой «вообще» (всеми пользователями Facebook сразу), а с той публикой, которую он формирует сам, отбирает среди этих пользователей – это его родные, друзья, интересные ему и заслужившие его доверие пользователи, которых он добавил в список своих виртуальных «друзей» и т.д. Именно с ними он хочет и готов делиться важной для него информацией, однако меха-

низмы действия Facebook таковы, что эта информация быстро распространяется за пределы узкого круга «своей» публики (Jarvis, 2010). Подобная ошибка в разграничении публичного «для своих» и публичного «для всех» является поводом для возникновения множества конфликтов.

Так, выпуская (по собственной воле или вынужденно) контроль за приватностью из своих рук, человек оказывается мишенью для реакции других – зачастую незнакомых – людей, и эта обратная связь часто содержит критику, осуждение и открытую, порой немотивированную, агрессию. Немалая часть комментариев в Сети связана с попыткой утверждения собственного превосходства комментаторов – они хотят казаться умнее, чем объект их обсуждения (объясняют, в чем человек неправ, указывают на фактические или грамматические ошибки и т.д.) или же морально выше его (осуждают высказывания с точки зрения политкорректности, недопустимости шутить над «святым» и т.д., зачастую выступают с ханжеских позиций). Как следствие, одна неудачная шутка, некорректная фраза, которые вовсе не характеризуют данную личность, могут оказаться причиной для возникновения волны массовой критики и остракизма, что в итоге вызывает серьезные психологические последствия, результирующиеся в кризисе идентичности. Габизон и вовсе отмечает наличие устойчивой связи между приватностью и душевным здоровьем, подчеркивая, что душевные заболевания могут возникнуть из-за давления на индивида, вызванного необходимостью соответствовать общественным ожиданиям (Gavison, 1980). Индивид одновременно осознает и не осознает, что он отличается от того человека, которым он представляется широкой онлайн-публике, но не способен продемонстрировать это отличие. В итоге у него возникают сомнения в том, какой же именно его облик является «подлинным» – тот, который известен ему и его близким, или тот, который виден в медийном пространстве. И если представители сферы шоу-бизнеса или PR-технологий способны умело использовать современные медийные технологии для создания и использования «внешнего» образа личности в медийном пространстве как определенного «продукта», то все остальные оказываются неспособными справиться с негативными последствиями утраты приватности. Можно предположить, что большинство пользователей современных коммуникационных средств до сих пор не представляют себе в полной мере возможностей, социальных механизмов и рисков нового «информационного» или «цифрового» общества, а главное – его неразрывного взаимопереплетения с обществом реальным. «События» в Интернете составляют собой особую «гиперреальность» – реальность, которая “bigger than life”,

т.е. «больше жизни». Такого рода «события» могут оказаться более резонансными, чем события в реальной жизни – во-первых, т.к. они дискретны, вырваны из повседневного контекста, и потому более акцентированы, и во-вторых, потому что подобные «события» становятся доступным всему миру, тут же обрастая шлейфом публичной ответной реакции. Например, «на эмоциях» мы можем произнести оскорбительную фразу, о которой потом сразу пожалеем. Однако сказав ее в присутствии нескольких людей, мы оказываемся ответственны только перед ними и можем объяснить и оправдать свое поведение, но высказавшись в Сети, мы сразу оказываемся ответственны перед всем миром, который поспешно может заклеить нас, к примеру, как националиста или экстремиста. Отсюда совсем недалеко до оруэлловского «мыслепреступления», только эта ситуация создается не враждебной и подавляющей тоталитарной системой – она создается нами самими, независимыми и свободными индивидами, готовыми сделать выводы о незнакомом человеке по одной вырванной из контекста фразе. Эту ситуацию еще на более ранней стадии развития коммуникационных технологий уже отметил У. Эко. В одном из своих эссе он критикует транслируемые на итальянском телевидении судебные процессы, отмечая, что

«унижение, пережитое в зале суда, в присутствии ста человек, так или иначе заинтересованных в этом деле, так сказать испаряется, когда дело закрыто; если же речь идет о миллионах телезрителей, то, чем бы ни закончилось дело, оно оставит неизгладимый отпечаток, и преступник, даже отбыв наказание, не сможет стереть с себя это клеймо. Не говоря уже о том, что, как мы видели, телепередача смонтирована, и перед публикой предстает не весь процесс, а отдельные его эпизоды, выбранные по какому угодно критерию» (Эко, 2015, с. 248).

Человек лишается права на ошибку, сразу становясь мишенью для общественного порицания: в глазах общественности не только серьезный проступок, но и случайный промах оказываются «информационным поводом», который становится заметной частью биографии человека. Стать «звездой Интернета» – это не только означает внезапную славу на весь мир (что само по себе является тяжким испытанием), это почти всегда означает и оказаться мишенью критики и осуждения, т.н. «хейта» (от англ. “hate” – ненависть), со стороны множества незнакомых людей, которые не знают и никогда не узнают тебя лично, и тем не менее готовы давать свою оценку. Адекватно реагировать на подобные ситуации способны немногие.

Помимо этого, как отмечает В.А. Лекторский, информация о человеке в Интернете и других цифровых пространствах становится «веч-

ной» цифровой памятью – причем памятью, доступной не только самому индивиду, но и потенциально доступной другим людям. Если человеческая память имеет возможность забвения (мы забываем травмирующие нас воспоминания, а совершив преступление, мы способны раскаяться и попытаться искупить свою вину, так что общество сможет «забыть» ее), то цифровая память сохраняет абсолютно все. В итоге, пишет Лекторский, цифровизация

«создает принципиально новые возможности для вмешательства в вашу жизнь. Ведь ваши действия оставляют цифровые следы, которые доступны внешним инстанциям, способным вас контролировать... Если вы хотите, чтобы некоторые ваши действия не стали известны посторонним или же были забыты ими по прошествии некоторого времени, то вам не дадут такой возможности: ведь в принципе цифровая память о вас может храниться вечно. Вы перестаете быть владельцем информации о своей жизни и ее хозяином. Ваше личное пространство оказывается как бы взломанным, и вы становитесь предметом управления со стороны других людей» (Лекторский, 2020, web).

Подобная «вечная память», становясь в определенной мере публичной, может мешать человеку исправлять свои ошибки и развиваться, превращает его из самостоятельного субъекта в объект манипуляций.

Помимо допускаемых самим человеком ошибок в разграничении приватного и публичного пространства в Интернете, ситуацию усугубляют СМИ, которые, выхватывая из социальных сетей какие-то отдельные факты, тиражируют их, проводят необоснованные экстраполяции, додумывают что-то и делают достоянием широкой общественности то, что могло остаться лишь частным событием, известным узкому кругу лиц. В первой очереди это касается публичных личностей, но с учетом развития современных средств коммуникации, публичной личностью может стать любой человек. Габизон указывает, что

«частичная правда опасна, поскольку она представляет одномерный образ человека, часто без сочувствия или доброжелательности. Это уходит недалеко от давней сестры скандальной журналистики – слухов. Наиболее важное отличие заключается в том, что слухи как правило касаются людей, которых мы уже знаем в их иных качествах, и там частичная правда меньше будет вводить в заблуждение. Тогда как у большинства читателей газет не будет возможности как-либо скорректировать те одномерные образы, которые они получают из прессы» (Gavison, 1980, p. 466).

Большинство современных СМИ сейчас представляют собой интернет-ресурсы, в которых «новость» распространяется мгновенно,

«вирусным» путем, где множество различных источников тут же тиражируют определенную информацию, не стремясь проверить ее на истинность. При этом читатели тоже не затрудняют себя проверкой и принимают информацию как доказанный факт, либо, в крайнем случае, приходят к выводу, что «дыма без огня не бывает», т.е. раз этот «факт» появился в СМИ, значит, он имеет под собой какие-то основания (Алексеева, 2017). Габизон указывает на еще один важный момент – на то, что распространение ложной информации о человеке тоже может рассматриваться как нарушение его приватности, хотя формально, казалось бы, это не распространение знания о человеке, а наоборот, уменьшение объема подлинных знаний о нем. Если распространяемая информация несет «сенсационный» характер, то таким образом нарушается одна из основных составляющих приватности, поскольку человек становится объектом пристального внимания других (Gavison, 1980). Но не так страшны собственно «фейки», сколько вырванность из контекста целостной жизни личности того или иного ее высказывания или факта, которые как снежный ком обрастают чужими домыслами и в итоге могут быть поданы в совершенно неожиданном ключе, нанося человеку, оказавшемуся в центре внимания Сети, психологическую травму, причиняя моральный и репутационный ущерб.

В особенно резонансных случаях начинает вступать в действие “cancel culture” (дословно с английского – «культура отмены»): особая форма поведения пользователей Сети, которые начинают массово бойкотировать или выражать свое презрение какой-нибудь публичной личности, высказавшейся по острому и спорному вопросу не в популярном русле (например, кто-то высказался в поддержку действующей власти или не проявил достаточной степени толерантности к какому-то социальному меньшинству), иногда даже возникают требования уволить «провинившегося» или отдать его под суд: «отменить» его существование в публичном дискурсе. При современном развитии коммуникационных средств публичной личностью может являться абсолютно любой человек, поэтому в той или иной степени cancel culture может коснуться каждого пользователя Сети (Akerman, 2020).

Еще одна особенность заключается в следующем: если в повседневной офлайн-жизни человек общается с привычным кругом людей, в основном принадлежащих к его социальной группе, то в Сети он может столкнуться с представителями совершенно разных слоев общества и стать жертвой в том числе и «классовых» конфликтов. К примеру, пользователь, пишущий о своей досаде из-за своей сорвавшейся поездки в Европу, может получить шквал возмущенных комментариев с обвинениями в отсутствии патриотизма, а также с заявлениями о

том, что «из-за таких, как вы, разъезжающих по Европам, мы теперь все умрем от коронавируса» – реакция, которую он вряд ли встретил бы среди своих знакомых и коллег. Тем не менее, такие комментарии будут восприниматься болезненно – не в последнюю очередь из-за ощущения равенства пользователей в Сети, о котором мы говорили ранее. Так, парадоксальным образом, выходя в Сеть, индивид оказывается больше открыт миру, чем в офлайн-жизни. И он оказывается не подготовлен к подобной открытой конфронтации.

Известный отечественный философ Г.Л. Тульчинский указывает, что сейчас возникает парадоксальный конфликт между правом личности на свободу слова (из которой вырастают «фейки» и практики Интернет-травли, подобные упомянутой выше cancel culture, ведь каждый имеет право высказывать свое мнение, в том числе – критикуя мнение другого человека) и правом личности на тайну частной жизни и защиту репутации (которые неизбежно страдают в результате применения первого права) (Тульчинский, 2020). Среди распространения фейковых новостей и прочего информационного шума особенно востребованными становятся те, кто, несмотря на возможную травлю или преследования, все же берет на себя ответственность и высказывает то, что *должно* быть высказано (Тульчинский называет это в своей статье «позитивной парресией»). Например, нельзя оправдывать любые поступки представителя социального или этнического меньшинства исключительно фактом его принадлежности к этому меньшинству – как того зачастую требуют негласные «законы» политкорректности. Кто-то должен брать на себя ответственность, высказывая непопулярные, но обоснованные замечания. И хотя обнаружить такие ответственные высказывания среди информационного шума оказывается все сложнее, тем не менее, это только увеличивает их ценность для общества. Однако смелостью и моральной силой для подобных высказываний обладают немногие, поскольку это неизбежно означает выход в публичное пространство.

ВЫВОДЫ

Некоторые из рассмотренных выше проблем пытаются решить с помощью разработки правил т.н. цифровой этики, киберэтики и сетевого этикета (Войскунский & Дорохова, 2010). Однако предлагаемые в рамках киберэтики правила остаются лишь благими пожеланиями, которые игнорируются большинством пользователей, а использование систем «банов» («запретов») и «черных списков» для нарушителей правил не решает проблемы, поскольку невозможно занести в «черный список» весь мир. Невозможно принудить пользователей следо-

вать правилам сетевой этики, по крайней мере, до тех пор, пока анонимность не уйдет из Сети полностью и каждый комментарий, появляющийся в Сети, не будет привязан к конкретной личности, которая будет нести ответственность за свои слова так же, как она несет ответственность за слова, сказанные другому в лицо. При отсутствии такой жесткой идентификации возникает парадоксальная ситуация. С одной стороны, необходимость нести ответственность за свои слова-поступки для кого-то утрачивается, поскольку огромное количество пользователей остаются анонимными. С другой стороны, те пользователи, которые не скрывают своей личности, попадают в ситуацию тотальной ответственности за каждое свое слово перед всем онлайн-сообществом.

Постоянное преступление границ приватного пользователями, вероятно, во многом связано с тем, что приватное пространство оценивается именно как пространство физическое, в котором действуют материальные тела и реально зафиксированные границы – границы человеческих тел, запертые двери частных квартир и т.д. Мы понимаем и принимаем такие границы, и мало кто будет, к примеру, настойчиво стучать в дверь незнакомого человека только из желания с ним познакомиться, или заявлять вслух первому встречному прохожему, что нам не нравится его прическа, и ему следовало бы обратиться к другому стилисту. Подобное поведение в офлайн-жизни мы расцениваем как невежливость или попросту как психическую неадекватность. Однако эти же правила поведения не переносятся автоматически на онлайн-отношения: привыкнув к физическому воплощению границ, мы не осознаем, что они существуют (хоть и в нематериальном виде) и в офлайн-пространстве, что другие пользователи сети – это такие же случайные прохожие. Из-за отсутствия подобного осознания грань между публичным и приватным в Сети оказывается прозрачной.

В итоге современная ситуация заставляет человека быть готовым отвечать за свои слова перед всем миром сразу. Неготовность человека к ответственности в таком масштабе ведет к разрыву между его представлением о себе и тем образом, который создается благодаря средствам массовой коммуникации, образом, который создается реакцией других. Это прямая реализация Сартровской фразы «Ад – это другие». В этом контексте очень важный момент подчеркивает И. Ю. Алексеева, обращаясь к одной из идей В. С. Соловьева, намного предвосхитившей по времени информационный бум – идее необходимости «нравственной подготовки человека к расширению его коммуникационных возможностей» (Алексеева & Аршинов, 2016, с. 37). Идеальная, грядущая стадия общественного устройства, согласно соловьевской концепции Всеединства, это «всемирное общение жизни» (Соловьев, 2012), в кото-

ром духовно и нравственно совершенное человечество становится единым. Однако, как верно отмечает Алексеева, современное развитие коммуникационных технологий открывает

«новые возможности для реализации не только добрых начал, но и пороков человеческой природы. Очевидно, что нынешний вариант глобализации не является «всемирным общением жизни» в указанном смысле, поскольку достаточные для этого технические возможности не дополняются всеобщими нравственными основаниями» (Алексеева & Аршинов, 2016, с. 37).

Можно согласиться с выводом о том, что человечество не только психологически, но и нравственно не готово к информационному «буму», поскольку неограниченные коммуникативные возможности становятся одним из распространенных инструментов агрессии. Идентичность личности в такой ситуации оказывается под угрозой рассыпания: незначительные (как нам, поначалу, кажется) фрагменты нашего бытия, став онлайн-событиями, внезапно для нас оказываются значимыми для других, наша внутренняя система оценки себя дает сбой. Сложность заключается в том, что полный отказ от использования современных коммуникативных средств не является выходом из сложившейся ситуации – он будет восприниматься как эскапизм, бегство, затворничество – современный человек вынужден оставаться в режиме «онлайн», поскольку только так он может оставаться активным членом общества. Поэтому важной задачей является поиск новых оснований для сохранения приватности. Ее утрата, как было показано выше, ставит каждого субъекта в ситуацию ответственности перед всем миром за любые свои слова и действия, превращенные в публичной интерпретации в серьезные проступки или даже преступления. Невозможность справляться с этим уровнем ответственности может привести к отказу от ответственности вовсе, что угрожает не только личностным, но и глобальным социальным кризисом. Для того, чтобы предупредить возникновение подобных кризисов, необходимо вновь переосмыслить представления о приватном и публичном с учетом тех изменений, которые происходят в обществе под воздействием процессов цифровизации.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование подготовлено в рамках проекта МД-178.2019.6 «Трансформации самосознания и познавательной деятельности человека в ситуации информационного перенасыщения».

Список литературы

- Ackerman, E., & et al. (2020, July 7). A Letter on Justice and Open Debate. *Harper's Magazine*. Retrieved from <https://harpers.org/a-letter-on-justice-and-open-debate/>
- Aspan, M. (2008, February 11). How Sticky Is Membership on Facebook? Just Try Breaking Free (Published 2008). *The New York Times*. Retrieved from <https://www.nytimes.com/2008/02/11/technology/11facebook.html>
- Clark, A., & Chalmers, D. (1998). The Extended Mind. *Analysis*, 58(1), 7–19.
- Edward, H. (1966). *The hidden dimension*. New York: Anchor Books.
- Gavison, R. (1980). Privacy and the Limits of Law. *The Yale Law Journal*, 89(3), 421–471. doi: 10.2307/795891
- Jarvis, J. (2010, May 8). Confusing *a* public with *the* public. Retrieved from BuzzMachine website: <https://buzzmachine.com/2010/05/08/confusing-a-public-with-the-public/>
- McKeon, M. (2010). The Evolution of Privacy on Facebook. Retrieved from Matt Mckneon Blog website: <http://mattmckneon.com/facebook-privacy/>
- Opsahl, K. (2010, April 28). Facebook's Eroding Privacy Policy: A Timeline. Retrieved from Electronic Frontier Foundation website: <https://www.eff.org/deeplinks/2010/04/facebook-timeline>
- Putnam, R. D. (2000). *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon and Schuster.
- Warren, S., & Brandeis, L. (1980). The Right to Privacy. *Harvard Law Revue*, 193(4), 193–220.
- Алексеева, И. Ю. (2017). Информационная безопасность в контексте философии управления. *Безопасность Информационных Технологий*, 24(1), 6–12. doi: 10.26583/bit.2017.1.01
- Алексеева, И. Ю., & Аршинов, В. И. (2016). *Информационное общество и НБИКС-революция*. Москва: Институт философии Российской академии наук.
- Аристотель. (1983). Политика. В Аристотель, *Сочинения* (с. 376–644). Москва: Мысль.
- Войскунский, А. Е., & Дорохова, О. А. (2010). Становление киберэтики: Исторические основания и современные проблемы. *Вопросы Философии*, (5), 69–83.
- Войскунский, А. Е., Евдокименко, А. С., & Федунина, Н. Ю. (2013). Сетевая и реальная идентичность: Сравнительное исследование. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 10(2), 98–121.
- Кон, И. С. (1978). *Открытие «Я»*. Москва: Политиздат.
- Лекторский, В. А. (2020). Трансформация индивидуальной и коллективной памяти в контексте глобальной цифровизации. *Электронный научно-образовательный журнал История*, 11(9). doi: 10.18254/S207987840012305-4
- Орлов, М. О. (2019). Конфликтотенный потенциал социальной коммуникации в цифровую эпоху. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*, 35(3), 485–496. doi: 10.21638/spbu17.2019.308

- Петрова, Е. В. (2020). Информационная экология как «стратегия выживания» человека в цифровой среде. *Вопросы Философии*, (10), 89–98. doi: 10.21146/0042-8744-2020-10-89-98
- Пронькина, А. Н. (2020). Трансформация памяти в условиях информационного перенасыщения. *Философия науки и техники*, 25(1), 110–124. doi: 10.21146/2413-9084-2020-25-1-110-124
- Пушкин, А. С. (1962). Письмо Н.Н. Пушкиной 3 июня 1934 г. В А. С. Пушкин, *Собрание сочинений: В 10 томах. Т. 10. Письма 1831-1837* (с. 184). Москва: ГИХЛ.
- Савчук, В. В. (2017). Медиареальность—Новая среда жизни. *Культура и Технологии*, 2(1), 1–5.
- Сартр, Ж.-П. (2015). *Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии*. Москва: АСТ.
- Соловьев, В. С. (2012). *Оправдание Добра*. Москва: Институт русской цивилизации, Алгоритм.
- Труфанова, Е. О. (2012). Роль коммуникации в построении личностной идентичности. *Философия науки и техники*, 17(1), 128–142.
- Труфанова, Е. О. (2019). Информационное перенасыщение: Ключевые проблемы. *Философские проблемы информационных технологий и киберпространства*, (1), 4–21. doi: 10.17726/philIT.2019.1.16.1
- Труфанова, Е. О., & Яковлева, А. Ф. (2012). Социальная технология сетевого взаимодействия. В И. Т. Касавин (Ред.), *Общество. Техника. Наука. На пути к теории социальных технологий Сер. «библиотека журнала Эпистемология и философия науки»* (с. 301–317). Москва: Альфа-М.
- Тульчинский, Г. Л. (2020). Публичный дискурс в условиях коронавирусной пандемии: Возвращение парресии. *Общество. Коммуникация. Образование*, 11(2), 14–29. doi: 10.18721/JHSS.11202
- Фадеева, Л. А. (2017). Сетевая идентичность. В И. С. Семенов (Ред.), *Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание* (с. 535–539). Москва: Издательство «Весь мир».
- Эко, У. (2015). Судебный процесс по телевидению – покушение на конституцию. В У. Эко, *Картонки Минервы* (с. 247–248). Москва: АСТ.
- Ястреб, Н. А. (2020). Как проблема персональных данных меняет этику искусственного интеллекта? *Философские проблемы информационных технологий и киберпространства*, (1), 29–44. doi: 10.17726/philIT.2020.1.3

References

- Ackerman, E., & et al. (2020, July 7). A Letter on Justice and Open Debate. *Harper's Magazine*. Retrieved from <https://harpers.org/a-letter-on-justice-and-open-debate/>
- Alekseeva, I. Yu. (2017). Information security in the context of management philosophy. *Information Technology Security*, 24(1), 6–12. doi: 10.26583/bit.2017.1.01 (In Russian).

- Alekseeva, I. Yu., & Arshinov, V. I. (2016). *Information society and NBICS-revolution*. Moscow: Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. (In Russian).
- Aristotle. (1983). Politics. In Aristotle, *Works* (pp. 376–644). Moscow: Mysl.. (In Russian).
- Aspan, M. (2008, February 11). How Sticky Is Membership on Facebook? Just Try Breaking Free (Published 2008). *The New York Times*. Retrieved from <https://www.nytimes.com/2008/02/11/technology/11facebook.html>
- Clark, A., & Chalmers, D. (1998). The Extended Mind. *Analysis*, 58(1), 7–19.
- Eco, U. (2015). Court trial on TV – an affront of constitution. In U. Eco, *Minerva Cards* (pp. 247–248). Moscow: AST. (In Russian).
- Edward, H. (1966). *The hidden dimension*. New York: Anchor Books.
- Fadeeva, L. A. (2017). Network identity. In I. S. Semenenko (Ed.), *Identity: Personality, Society, Politics. Encyclopedic Edition* (pp. 535–539). Moscow: Publishing House "All World". (In Russian).
- Gavison, R. (1980). Privacy and the Limits of Law. *The Yale Law Journal*, 89(3), 421–471. doi: 10.2307/795891
- Jarvis, J. (2010, May 8). Confusing *a* public with *the* public. Retrieved from BuzzMachine website: <https://buzzmachine.com/2010/05/08/confusing-a-public-with-the-public/>
- Kon, I. S. (1978). *The Discovery of the Self*. Moscow: Politizdat. (In Russian).
- Lektorsky, V. A. (2020). Transformation of Individual and Collective Memory in the Context of Digitalization. *Electronic Scientific and Educational Journal History*, 11(9). doi: 10.18254/S207987840012305-4 (In Russian).
- McKeon, M. (2010). The Evolution of Privacy on Facebook. Retrieved from Matt Mckneon Blog website: <http://mattmckneon.com/facebook-privacy/>
- Opsahl, K. (2010, April 28). Facebook’s Eroding Privacy Policy: A Timeline. Retrieved from Electronic Frontier Foundation website: <https://www.eff.org/deeplinks/2010/04/facebook-timeline>
- Orlov, M. O. (2019). The conflict potential of social communication in the digital age. *Bulletin of St. Petersburg University. Philosophy and Conflictology*, 35(3), 485–496. doi: 10.21638/spbu17.2019.308 (In Russian).
- Petrova, E. V. (2020). Information Ecology as a “Survival Strategy” of a Person in the Digital Environment. *Questions of Philosophy*, (10), 89–98. doi: 10.21146/0042-8744-2020-10-89-98 (In Russian).
- Pronkina, A. N. (2020). Memory transformation in an information oversaturation environment. *Philosophy of science and technology*, 25(1), 110–124. doi: 10.21146/2413-9084-2020-25-1-110-124 (In Russian).
- Pushkin, A. S. (1962). Letter to N. N. Pushkina, 3 June 1934. In A. S. Pushkin, *Collected Works: In 10 Volumes: Vol. 10. Letters 1831-1837* (p. 184). Moscow: GIHL. (In Russian).
- Putnam, R. D. (2000). *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon and Schuster.

- Sarte, J.-P. (2015). *Being and Nothingness. An Essay on Phenomenological Ontology*. Moscow: AST. (In Russian).
- Savchuk, V. V. (2017). Media reality – new life environment. *Culture and technologies*, 2(1), 1–5. (In Russian).
- Solovyov, V. S. (2012). *The Justification of the Good*. Moscow: Institute of Russian Civilization, Algorithm. (In Russian).
- Trufanova, E. O. (2012). Role of communication in the personal identity construction. *Philosophy of science*, 17(1), 128–142. (In Russian).
- Trufanova, E. O. (2019). Information oversaturation: key problems. *Philosophical problems of information technologies and cyberspace*, (1), 4–21. doi: 10.17726/phillT.2019.1.16.1 (In Russian).
- Trufanova, E. O., & Yakovleva, A. F. (2012). Social technology of the network interaction. In I. T. Kasavin (Ed.), *Society. Technology. Science. Towards the theory of social technologies. "Library of the Epistemology and Philosophy of Science Journal" Series* (pp. 301–317). Moscow: Alfa-M.. (In Russian).
- Tulchinsky, G. L. (2020). Public discourse in the context of the coronavirus pandemic: the parrhesia return. *Society. Communication. Education*, 11(2), 14–29. doi: 10.18721/JHSS.11202 (In Russian).
- Voiskunskii, A. E., & Dorokhova, O. A. (2010). The Emergence of Cyberethics: Historical Foundations and Contemporary Issues. *Questions of philosophy*, (5), 69–83. (In Russian).
- Voiskunskii, A. E., Evdokimenko, A. S., & Fedunina, N. Yu. (2013). Internet identity and real identity: a comparative study. *The Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 10(2), 98–121. (In Russian).
- Warren, S., & Brandeis, L. (1980). The Right to Privacy. *Harvard Law Revue*, 193(4), 193–220.
- Yastreb, N. A. (2020). How personal data problem changes ethics of artificial intelligence? *Philosophical problems of information technologies and cyberspace*, (1), 29–44. doi: 10.17726/phillT.2020.1.3 (In Russian).